

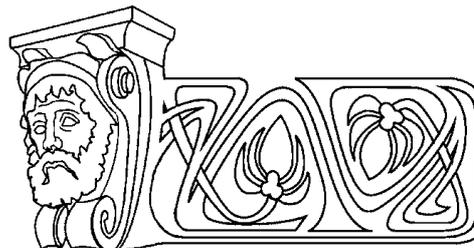

УДК 316.37

ТОПОСЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Рыбалка

Ростовский юридический институт,
кафедра государственно-правовых и политико-философских дисциплин
E-mail: alex_61_rus@mail.ru

Статья посвящена выявлению функций пространства в жизненном пути личности. Центральное место в ней отводится концепту «топос». Выдвигаются адаптационный, ценностный и темпоральный горизонты исследования топосов личностного бытия, обсуждаются проблемы смысла жизни, анализируются феномены закрытого и открытого пространства, выясняется их влияние на жизненный мир личности.

Ключевые слова: личность, жизненный путь, топос, человек и общество.

Toposes of the Person's Vital Way

Е.А. Rybalka

The article is devoted to the discovering of functions of the space in the person's vital way. The concept «topos» is in the center of this work. Adaptation, valuable and temporal horizons of the research are put forward of the toposes personal existence. The problems of the sense of life are discussed, phenomena of the closed and opened space are analyzed and their influence to the vital world of the person is found out.

Key words: person, life path, topos, human and society.

Человек расширяет путь,
а не путь расширяет человека.

Конфуций

Многообразие свойств личности раскрывается в непрерывном обновлении жизненного опыта, в появлении новых ценностных установок, в утверждении индивидуальных стратегий деятельности в неоднородной социокультурной среде. Различные понятия, метафоры, образы жизненного пути имеют непосредственную связь с пространственной бытийственностью личности. Представленная статья направлена на выяснение многомерной структуры личностных топосов и обоснование эвристических возможностей этих моделей в осмыслении роли пространственных структур в жизни личности.

В повседневном опыте личности связь пространства и жизненного пути представлена в категориях здравого смысла, где пространство предстает как место проживания – «жить в городе», «жить в деревне»; как защитная территория – «безопасное место», «охраняемая территория», «свободная территория»; как опасное для жизни человека пространство – «гиблое место», «зона риска», «криминальная среда». Преодолевая однозначные суждения и оценки обыденного сознания, философская рефлексия жизни отличается целостностью восприятия жизненного пути как проявления

жизненного пространства личности. По нашему мнению, весьма привлекательной и конструктивной категорией, выражающей подвижное соотношение дискретности и непрерывности развития личности, единство пространственных и временных форм ее бытия, выступает категория «топос жизненного пути». В философской литературе пока отсутствует методологический опыт такого применения категории к пространству личности. В представленном контексте топос можно определить как нормативное поле, определяющее поведенческую и познавательную сторону жизнедеятельности личности в сложившихся пространственных структурах общества. Освоенное личностью нормативное поле выражает типичное, повторяющееся в пространственных практиках личности, закрепляется в знаках, смыслах, которые становятся символическим аналогом социальных дистанций внешнего для личности социального пространства. Топос как познавательный конструкт может, по нашему мнению, наиболее полно раскрываться в адаптационном, ценностном и темпоральном горизонтах пространства.

Адаптационный горизонт топосов жизненного пути позволяет очертить функциональные свойства пространства индивидов, объединенных территориальными условиями жизни, общими нормами поведения и коммуникационного общения. Адаптационные свойства пространства личности раскрываются, прежде всего, в предельно простых формах человеческой бытийственности, способных воплощать в миниатюре все пространство мира, оказывать влияние на человеческую судьбу. К таким начальным топосам жизненного пути личности, объединяющим приватный образ жизни и самые общие представления об окружающем пространстве, относится дом. «Жилище есть специфический человеческий топос, микрокосм, структура которого изоморфна, и/или эквивалентна структуре космоса, т.е. разумной, логичной сущной ипостаси реальности»¹. Допуская метафоричность в определении дома как человеческого топоса, А.В. Шипилов справедливо отмечает беспредельные возможности структурирования человеком самого близкого и дорогого ему жизненного пространства – пространства дома. Создавая дом как особый микрокосм, выстраивая собственную пространственную бытийственность, человек благодаря жилищу стремится жить по-человечески, обустроить свою жизнь, свою судьбу.

Адаптационные возможности дома и других исходных топосов жизненного пути, таких, как родная земля, родной город, определяются разными факторами. Для личности особое значение приобретают ресурсы, которые концентрируются в индивидуальном пространстве. Ресурсы определяют масштабы и функциональные свойства пространства индивидов. В зависимости от видов деятельности и социально-территориальных связей с окружающей социоприродной средой человек обретает разные по своей функциональной направленности ресурсы. Одни из них обеспечивают его жизнь в природе и благодаря природе (телесные, продовольственные ресурсы), другие – возможность адаптироваться к изменяющейся экономической среде, где определяющую роль приобретает человеческий капитал, третьи необходимы для коммуникационного общения, для обретения культурной идентичности и выступают в качестве информационных ресурсов.

В процессе становления информационной цивилизации жизненный путь личности во многом обусловлен ее информационными ресурсами и индивидуальными способностями к усвоению и воспроизводству информации. Располагая в индивидуальном пространстве обретенными ресурсами, личность создает некий ресурсный потенциал жизненного пути. От надежности и защищенности индивидуальных ресурсов зависит отношение к той среде, где протекает человеческая жизнь, обогащается, или, наоборот, упрощается внутренний мир личности, определяются возможности самореализации. Стремясь увеличивать жизненные ресурсы и находить новые средства их реализации, личность осваивает новые горизонты пространственного бытия. При всем разнообразии пространственных структур, обеспечивающих защищенность личности, устойчивость ее существования в индивидуальном сознании, происходит оценивание роли пространства в собственном жизненном мире. Тем самым открывается еще один важный аспект пространственной бытийственности.

Ценностный горизонт. В отличие от категорий и метафор, раскрывающих функциональную направленность пространства личности, дифиниция «ценности жизненного пути» содержит базовые для личности ценностные установки. Эти установки, концентрируя опыт проживания в городском или сельском пространстве, выражая положительное восприятие места, ставшего для человека родным и близким, образуют особую духовную матрицу места, где личность находит взаимопонимание и поддержку среди других людей. Социальные роли этих индивидов раскрываются в средовых терминах: «земляки», «односельчане», «сограждане». Личностные установки, взаимодействуя с общечеловеческими ценностями, реализуются

в различных жизненных ситуациях, оказывают воздействие на содержание жизненного пути личности. Ценностное отношение к пространству выдвигает проблему личности в центр субъективного пространства. Этот переход точно обозначил М.С. Каган: «Как только мы начинаем рассматривать пространство не само по себе и не в его отношении к органам восприятия, а в отношении к человеку как субъекту, оно мгновенно становится субъективированным, то есть приобретает *ценностную значимость для субъекта*»². Оценивая значимость пространства не только с позиций полезности территории для реализации своих потребностей, интересов, целей, личность неизбежно приходит к осознанию ценностей, которые захватывают глубинные пласты пространственной бытийственности.

Объемным ценностным содержанием отличается понятие «малая родина», наполненное глубоким личным смыслом. В метафизическом плане малая родина может определяться как «архетипическое стремление моделировать большое пространство в малом»³. В ценностном контексте малая родина выражает стремление человека обрести и сохранить духовное родство с пространством, где он вырос, возмужал, «стал человеком». Это идеализированное пространство, где человек испытывает чувство тоски по ушедшему прошлому и таит надежду на лучшее будущее. Преодоление личности метафизического начала в образе малой родины достигается в конкретных образах родной земли, родного города, родной улицы. Ценностная структура малой родины дает возможность сохранить духовную сопричастность человека с ближним социальным окружением (семья, соседи, сверстники) конкретной местности, которая для личности значит значительно больше, чем территория совместного проживания, и выражает незаменимость личного присутствия, сопереживания, участия в судьбах близких людей.

Специфические особенности ценностей жизненного пути личности проявляются через связь индивидуальных, лично реферируемых ценностей культуры, которые становятся духовными пунктирами жизненного мира. Образное восприятие пространства как движения вверх по тропам жизни облекается в метафоры, проникнутые ценностным содержанием. Можно вкладывать разный смысл в метафору «движение вверх». В религиозном плане это стремление обрести те духовные ценности, которые позволяют приобщиться к божественному, сверхъестественному, в светском понимании «движение к вершине своей жизни» может выражаться в ценностях познающего разума или личного достоинства, творческого порыва. Крушение идеалов жизненного пути может ассоциироваться с утратой важных ценностных установок и выражается в средовой метафоре «падение вниз». Социальное содержание этой

метафоры может раскрываться в утрате личного статуса, в утрате доверия окружающих, в крушении прежних целей и жизненных установок.

Наличие индивидуально выраженных ценностей жизненного пути всегда дополняется ценностями культуры, которые становятся жизненными ориентирами для конкретной личности в конкретную эпоху. Во взаимодействии ценностного мира человека и ценностей эпохи присутствует тонкая грань между конечным и бесконечным, сиюминутным и вечным. Благодаря непрерывному взаимодополнению индивидуального и типичного в жизненном мире личности появляется экзистенциальное пространство, где личность на своем жизненном пути постоянно встречается с пространством культуры и пространством своей эпохи. Очертания такого пространства стремятся выявить, прояснить философы-экзистенциалисты. Габриэль Марсель замечает: «Истинная мудрость нашего века, века абсолютной необеспеченности заключается в том, что с необходимым благоразумием, но не без трепетного восторга искателей пуститься по тропам, ведущим не скажу – за пределы времени, но за пределы нашего времени»⁴.

Аксиологический анализ жизненного пути свидетельствует, что экзистенциальное пространство неотделимо от экзистенциального времени. В этой связи появляется возможность более обстоятельно рассмотреть *темпоральный горизонт* жизненного пути личности, он воплощается, прежде всего, в событийном времени. Событие, в котором оказывается личность, наполнено временными ритмами, связанными с пространственными перемещениями или структурой места пребывания, существования. В предельно широком контексте жизненный путь каждого из нас пронизан модулями настоящего, прошлого, будущего. События прошлого, закрепленные в предметном мире в традициях, в памятных местах и архетипах, обозначают темпоральные истоки жизненного пути. Человеческая память, постоянно воспроизводя связь прошлого с настоящим, воздействует на поведенческие модели личности в настоящем. В понятии «памятное место» органически дополняются пространственные и временные структуры личностного бытия. Образ места, закрепленный в памяти в виде словесного описания, артефакта из прошлого, связан с событиями, оставшимися на всю жизнь дорогими для личности.

В связи настоящего с будущим событийное время «уступает» место экзистенциальному времени, когда существование человека в настоящем подвергается переоценке с позиции внутреннего «Я», с позиций ценностей и еще не реализованных возможностей. Если для человека в целом или для отдельных социальных общностей будущее – это проектирование того, что должно произойти, осуществиться, то для конкретной личности будущее становится столкновением бытия и не-

бытия. Устремленность в будущее таит для индивида опасность утраты своего места, приносит смятение в его сознание и ценностный мир. В художественном сознании встреча литературных героев с будущим часто таит в себе угрозу утраты бытийственности. В этой связи весьма характерны переживания главного героя в романе В. Катаева «Алмазный мой венец». В размышлениях литературного героя вырисовывается экзистенциальное осмысление времени: «По отношению к будущему настоящее находится в прошлом. Так где нахожусь я сам? Неужели для меня теперь нет постоянного места в мире? Или «теперь» – это то же самое, что «тогда»?»⁵. В вопрошении к самому себе выстраивается парадокс неоднозначного понимания места и времени в жизненном пути личности. Обретение места в будущем неизбежно ставит перед человеком вопрос о месте в прошлом, потому что модули будущего и прошлого утрачивают свою событийность, осязаемость и перемещаются из реального бытия в потенциальное бытие, где пространственность обретает символические формы, замещается знаками, символами ушедшего или еще не состоявшегося. Темпоральный горизонт жизненного пути личности предполагает вовлечение в проблемное поле исследования ценностного и адаптационного аспектов личностного бытия, где особое значение приобретает вопрос о смысле жизни.

Обретая метафизические основания в соотношении жизни со смертью, проблема смысла жизни содержит разные возможности постижения жизненного пути личности. В иррациональном контексте смысл жизни предстает как вера в личное бессмертие, и сама проблема жизни оказывается за пределами жизни. Для А.И. Веденского «вера в личное бессмертие есть условие и логической и нравственной познавательности веры в смысл жизни»⁶. Вера в бессмертие души превращает модули времени в игры человеческого разума, а пространственность фиксирует внешние стороны жизни человека – место рождения и смерти человеческого тела. В проблемном поле жизненного пути личности в философском наследии А.И. Веденского нет места для модулей времени и топосов жизни личности. В философских эссе В.В. Розанова жизненный путь личности связан со смыслом жизни посредством реализации духовных усилий, включая: 1) усилия знать истину; 2) усилия сохранить для себя свободу; 3) усилия к добру. Идеалы истины добра и свободы образуют смысл жизни личности. Время и пространство становятся формами жизненного пути личности и общества. «Из совокупности индивидуальных усилий слагается жизнь человечества во времени и пространстве, т.е. и история, и состояние общества»⁷. Стремление увидеть общие стороны жизненного пути личности с позиций общечеловеческих ценностей приводит В.В. Розанова к синтезу рационального и ценностного начал в постижении смысла жизни.

При переходе от общего взгляда на топосы личности к анализу конкретных пространственных структур представляется возможным обозначить методологические требования для выделения основных топосов жизненного пути. Во-первых, каждый топос образуется в результате сочетания социально значимых (общинных, групповых, корпоративных) и индивидуальных начал как устойчивых конструкт жизненного пути, где принятые в данном сообществе поведенческие практики всегда имеют конкретных субъектов.

Во-вторых, в зависимости от качеств личности и социально организованной среды обнаруживается доминирование одной или нескольких референций жизненного пути – в одних топосах преобладают ценностные основания, в других – адаптационные факторы, в-третьих – устанавливается относительно устойчивое равновесие индивидуально выраженных ценностных установок и социально обусловленных норм и функций пространственного бытия. В соответствии с выделенными факторами можно определить два основных топоса жизненного пути: «открытое пространство личности», «закрытое пространство личности».

В моделировании топоса открытого пространства все заметнее участие дисциплинарных методологий. В исследованиях психологов, культурологов в последнее время феномены открытости пространства связываются с особыми состояниями человека, когда субъект проецирует свои экзистенциальные интенции вовне, придавая им семантические значения и ценностную окрашенность. В феноменах открытого пространства можно установить, по мнению А.А. Пилипенко, непрерывное порождение культурных ценностей, а сам человек из существа творящего пространство становится субъектом культуры, «тогда время и пространство будут существовать постольку, поскольку они *о-смыслены*, и даже самые объективированные представления о них будут если не тождественны, то, по крайней мере, глубоко изоморфны культурным референциям»⁸. Между со-творением пространства и его осмыслением может быть значительная дистанция, вместе с тем каждая эпоха снижает эту дистанцию. В современном обществе осмысление и проектирование пространственных структур открытого типа может опережать их объективизацию. Открытость пространства самым непосредственным образом связана с открытостью личности на протяжении всего жизненного пути. Состояние открытости применимо, прежде всего, к личностям, обладающим яркими индивидуальными качествами, делающими их выдающимися людьми своего времени. Это образы героев (Т. Карлейль), «великие личности» Г.В. Плеханова, «пассионарии» Л. Гумилева. Благодаря своим способностям и талантам выдающиеся личности открывают свое пространство другим, формируют общественное мнение, утверждают новый

образ жизни, который становится достоянием многих. В гуще событий выдающийся человек способен выделять главное, находить истину. По мнению Т. Карлейля, выдающийся человек «должен обладать истиной», как яркая личность такой человек «испытывает благородную необходимость быть истинным»⁹. Превращение истины в ценность жизненного пространства раскрывает одну из важнейших характеристик топоса открытой личности, которая утверждает и расширяет сферу влияния своего личного пространства средствами культуры, используя богатые культурные ресурсы эпохи для реализации своих замыслов.

Проектирование топоса «закрытое пространство» основано на существовании определенного типа личностей, для которого, по нашему мнению, характерны следующие черты: самостоятельная жизненная позиция, ориентированная на личный успех и благополучие; завышенные самооценки собственного «Я», порождающие эгоцентризм; наличие ценностных установок, определяющих избирательное отношение к социальному окружению с позиций интересов и потребностей своего «Я». Личность как субъект «закрытого», «заслоненного», «эндогенного» пространства отличается способностями к организации собственных поведенческих практик, которые воплощаются в стратегиях жизненного пути. Эти стратегии обусловлены стремлениями личности усилить функциональную заданность индивидуального пространства, создать собственную защитную территорию, превратить, как говорят англичане, дом в крепость. Образуется топоцентризм, где индивидуальная жизнь реализуется в жизненных позициях, направленных на сохранение своего места в межличностных связях, места в социальных структурах общества.

Удивительная гамма положительных и отрицательных, позитивных и негативных феноменов «закрытого пространства» раскрывается в жизненном пути личности эпохи Ренессанса. Отгораживаясь от беспокойной общественной жизни собственной защитной территорией, личность демонстрирует безграничные возможности индивидуализма и эгоизма, внутреннюю силу творческих порывов и разрушительную энергию разочарований и необыкновенного цинизма. Исследуя проявления титанизма эпохи Возрождения, А.Ф. Лосев отмечает: «Едва ли весь этот безграничный разгул страстей, пороков и преступлений можно целиком отрывать от стихийного индивидуализма и от прославленного титанизма всего Ренессанса»¹⁰. Безграничный разгул страстей в закрытом пространстве реальной личности социально ограничивается территорией дома, замка, дворца. Личность в своих жизненных исканиях вынуждена «открываться» воздействиям культуры, нравственным правилам, наконец, общечеловеческим ценностям, отличающим человека от животного.

Живя в обществе с его обезличенным и институционально ориентированным пространством, личность сохраняет индивидуальность в относительно закрытом самобытном пространстве. В свою очередь, открытое пространство героев, гениев, выдающихся людей содержит индивидуальные жизненные ресурсы, без которых невозможно величие и героизм личности. Выражая индивидуальные возможности и социокультурные условия деятельности человека, топосы жизненного пути открывают новые познавательные горизонты пространственного бытия личности.

Примечания

¹ Шитлов А.В. Имплицитная культура // Человек. 2006. № 4. С. 14–15.

УДК 001:1

ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

Н.Н. Рыжлова

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
Email: ryhlova@gmail.com

В предлагаемой статье делается попытка дать методологию познания жизни и определить границы этого познания. При этом, как автор считает, время человеческой жизни выступает как интегратор бытия, а последнее – как посыл простираня жизненного времени за счет способности транслировать прошлое, преобразовывать настоящее, творить будущее.

Ключевые слова: жизнь, познание жизни, теория познания, границы знания.

The Boundaries of Life

N.N. Rihlova

In the article an attempt is made to propose a methodology of life cognition and to determine the boundaries of this cognition. Here the authors believe that the period of human life acts as an integrator of being, and the latter – as a premise of spreading life time with the help of ability to compile the past, to transform the present and create the future.

Key words: life, cognition of life, theory of knowledge, limits of knowledge.

Важнейшим вопросом философии и наук о Земле в XX веке стал вопрос о возможных границах познания жизни, который потребовал уточнения понятий «границы» и «конец». Эти понятия различны: ведь за границы можно заглядывать, их можно преодолевать, но это не имеет смысла относительно конца чего-либо. Науки биология, социология, педагогика, психология в их эмпирических аспектах занимаются только измеримыми компонентами реальности, а их современное развитие, прежде всего биопсихосоциальные характеристики, показали, что

² Казан М.С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 73.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 280.

⁴ Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 364.

⁵ Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1981. С. 471.

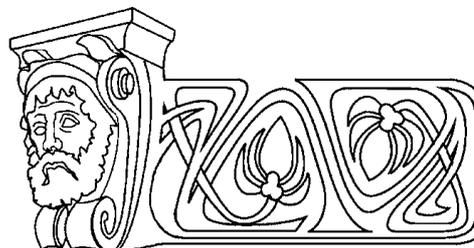
⁶ Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб., 1995. С. 53.

⁷ Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии. 1995. С. 172.

⁸ Пилипенко А.А. Время и пространство в восприятии человека // Мир психологии. М.; Воронеж, 1999. № 4. С. 30–31.

⁹ Карлейль Т. Герои и героическое в истории. М., 2001. С. 210–211.

¹⁰ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 135.

при достижении неких экспериментальных областей становится уже невозможным невозмущающее измерение соответствующих параметров. В этой связи не современное состояние технологических возможностей ограничивает точность измерения, а граница лежит в природе феноменов жизни и коренится в методе науки. Поэтому данная граница может быть названа **методологической**.

Методологическую границу нельзя передвинуть без принципиального изменения современного способа формирования научных понятий. Возможность такого изменения нельзя ни исключить, ни предсказать, о чем свидетельствует постнеклассическое биогеофилософское объяснение категории «жизнь» как универсального геокосмического феномена материального и духовного мира, охватывающего разнопорядковые геосистемные субстраты, и объяснение категории «простираня жизни» как процесса и результата локализации и распространения качественного и количественного многообразия материи в земном и геокосмическом пространстве-времени. В этом смысле категория простираня человеческой жизни понимается как непрерывная цепь событий освоения человеком временного пространства своей жизни. Время человеческой жизни выступает при этом как интегратор его бытия, а последнее – как посыл простираня жизненного времени за счет способности транслировать прошлое, преобразовывать настоящее, творить будущее.

Определение жизни как результата деятельности сил природы, постепенно охватывающего